

Т.Л. Базулева

ПОНЯТИЕ ИДЕИ В ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ

Очень часто при знакомстве с такими положениями философии Гегеля, как «бытие есть развитие абсолютной идеи», «история – это развитие исторической идеи», «жизнь есть идея жизни» и т.д., возникает ощущение, что в лице идеи мы сталкиваемся с тем, что выходит за грани научной рациональности. Действительно, в этих утверждениях идея наделяется каким-то самостоятельным существованием, какой-то непонятной активностью и чуть ли не мистическим могуществом. Мы же привыкли считать идеи, хотя и своеобразными, но все же мыслями человека, которые вне его и его мышления существовать не могут. Мы прочно увязываем происхождение идей с разумностью человека. Однако философия устойчиво наделяла идеи гораздо большей бытийностью, нежели просто их принадлежность субъективному мышлению.

Первым философом, вдохнувшим жизнь в саму идею идей, придавшим понятию «идея» особое умопостигаемое содержание, был Платон. Его «выдумка» идеального царства идей, только по причастности которым обычные вещи получают свое бытие и свое познание, оказалась настолько мощной мыслью, что была востребована всеми последующими поколениями мыслителей. Трактовка идей исторически менялась: источником идей признавался то божественный разум, то человеческий, от них то зависело, то не зависело бытие вещей, идеи могли быть ясными и отчетливыми, но также и смутными, они то предваряли чувственный опыт познания, то завершали его собой и соответственно этому признавались либо врожденными, либо обретенными, идеи, наконец, либо вписывались в категориальную картину мира, либо, напротив, служили опытом внекатегориального постижения бытия – бытия вне времени и пространства.

В трактовке идей было и нечто общее. Во-первых, это их предельная значимость для познания: постигнутое в идее признавалось постигнутым в высшей и самой окончательной истине. Во-вторых, идея неизменно сопрягалась с понятием единства: единства бытия или единства познания; даже в том случае, когда допускался выход идеи за свои пределы, в сферу внешнего ей существования, она всегда оставалась простой и единой. Быть единой и выражать единство – таков неперемный статус идеи. В-третьих, все идеи обладали особым топором в тексте, указывая на местопребывание главной сути учений. Там, где в философских учениях заходила речь об идеях, максимально концентрировался их смысл и именно там скрывалась или раскрывалась самая сокровенная истина. В каждом философском сочинении в скрытом или явном виде присутствует его идея, и только она одна делает сочинение философским. Без понимания этой идеи и отношения философа к идеям как таковым (которое может быть как осознанным, так и бессознательным), постигнуть окончательный смысл его учения невозможно. Не является исключением и философия Гегеля.

Гегель – философ, который не только заявлял об идеях явно, но и подверг понятие идеи глубочайшей рефлексии. Его трактовка идей была неожиданна не только для его времени, но и для всего исторического существования философии. В философии Гегеля

нет ничего, что так или иначе не было бы подчинено идее. Идея выступает той интеллектуальной конструкцией, на которой держится вся его система в целом и каждая относительно самостоятельная часть этой системы. Раскрытию гегелевского понимания идеи посвящена данная статья. В решении этой задачи мы исходим из положения о **тождестве** в философии Гегеля понятия **идеи** и понятия **развития**. О какой бы идее ни шла речь, идея в системе Гегеля – это всегда идея развития. Идея и развитие по своей главной сути совпадают. Именно поэтому, чтобы понять смысл идеи, необходимо обратиться к гегелевскому пониманию развития.

Уже задолго до появления философии Гегеля в различных областях естественно-научного и гуманитарного знания велись усиленные поиски сущности развития. Возникновение организованной Вселенной, геологическая эволюция планет, возникновение жизни на прежде неживой планете, различные по уровню формы жизни, политическая и культурная история человечества – все эти, как и многие другие, проблемы делали необходимым четкое представление о том, в чем заключается процесс развития. Однако найти универсальный критерий развития, позволяющий отличить развитие от просто изменений, так и не удавалось. Возобладали две точки зрения: под развитием понимали либо структурно-функциональное усложнение (переход от простого к сложному), либо постепенное продвижение к конечной цели развития (определение которой зависело от автора и предмета исследования). В определенном смысле гегелевская концепция включила в себя оба эти подхода.

Гегель не стал прибегать к какому-либо однозначно выраженному критерию развития (например, усложнение строения, степень достигнутой интеграции). Он стал рассматривать в качестве развития процесс, который в свою очередь включал в себя два других процесса, последовательно протекающих, но прямо противоположных друг другу: *развертывание единого во множество и разнообразие и свертывание многообразия в новое единство*. Нетрудно заметить, что два указанных процесса образуют единое кругообразное движение, которое единством начинается и им же завершается. Соответственно этому **общий процесс развития определяется тремя необходимыми моментами**: его началом выступает *в-себе-бытие*, серединой – *для-себя-бытие* и завершением – *возвращение-к-себе*¹. Чтобы объяснить значение этих терминов, Гегель приводит пример с развитием растения, в котором трем указанным моментам соответствуют три состояния растения: зародыш, сформировавшееся растение и плод. К сожалению, этот пример сыграл не только положительную, но и отрицательную роль, поскольку ввиду его банальности обычно упускается из виду самое главное – **универсальная логика развития**. Поэтому, не обольщаясь доступностью примера, перейдем к более подробной характеристике трех указанных моментов.

«В-себе-бытие» и *«для-себя-бытие»*. Они отличаются друг от друга, во-первых, как возможность и действительность, потенция и актуальность. То, что было лишь *в себе*, лишь в возможности становится в процессе развития *для себя*, обретает действительное существование. Развитие можно определить как *процесс становления в-себе-бытия для-себя-бытием*, как **переход возможности в действительность**.

Во-вторых, «в себе» и «для себя» бытие отличаются друг от друга тем, что первое из них идеально, а второе – реально. Когда бытие лишь *в себе*, лишь в возможности, его реально, в действительности нет. Про развитие поэтому можно сказать, что оно есть развитие из ничего, но это было бы лишь половиной правды. Как известно, из ничего ничего не возникает. В-себе-бытие хотя и лишь *в себе*, но все же – *бытие*, и как бытие

оно уже *есть* то, чего пока в реальности нет. Объясняя этот момент, Гегель пишет, что зародыш *содержит в себе* все растение, но только «в свернутом и *идеализованном* виде»². Развитие в этом отношении представляет собой **процесс становления идеального реальным**.

В-третьих, различие между в-себе-бытием и для-себя-бытием состоит в следующем: существование, которым обладает для-себя-бытие, есть существование в форме *множества и разнообразия*. Реально быть – означает «быть многим и разным». Но в своей возможности реальность дана в иной форме – в форме *свернутого единства*. Так, растение в своем развитом состоянии имеет различные органы: корни, стебель, листья, веточки и т.д. Все это многообразие имеется уже в зародыше, но только в форме идеального *единства*. Развитие поэтому представляет собой **процесс развертывания единого во множество и разнообразие**.

«*Возвращение-к-себе*». *Изменение и развитие*. Извлечение из себя и выявление *вовне* того, что содержится внутри, составляет необходимое, но не единственное содержание процесса развития. В связи с этим Гегель пишет: «Этот выход за свои пределы ставит себе определенную цель, и высшим его свершением, предопределенным конечным пунктом его развития, является плод, т.е. порождение зародыша, – возвращение к первому состоянию. Зародыш хочет породить лишь самого себя, раскрыть то, что есть в нем, чтобы затем снова возвратиться к себе, снова возвратиться в то единство, из которого он изошел»³. Приведенный отрывок ясно указывает на то, что «*возвращение*» – это *поступательное движение вперед*, которое приводит к состоянию, идентичному первоначальному моменту развития, т.е. к моменту идеального единства, которое служит возможностью нового бытия. Будет ли это бытие лишь новым повторением старого, или же оно будет новым также и по содержанию – зависит от субъекта развития. В *живой природе*, по мнению Гегеля, развитие проявляет себя ограниченно, и в силу этой ограниченности оно столь же развитие, сколь и его отсутствие – повторение того, что было; в развитии же *духа* – появление новой возможности всегда связано с формированием нового содержания.

Не менее важно и то, что Гегель называет «возвращение-к-себе» **высшей целью развития**. К сказанному можно добавить, что «порождение самого себя» в отличие от «порождения другого» является не только высшим конечным пунктом развития, но и тем единственным, что отличает развитие от процесса изменения. Этот пункт требует особых комментариев.

Логика **изменения** рассмотрена Гегелем в самом начале «Науки логики», в разделе, посвященном понятию наличного бытия. Наличное бытие – это *ограниченное* бытие, ближайшим образом отличное от просто *бытия*, под которым понимается *все бытие*. Будучи ограниченным, наличное бытие представляет собой некоторое «нечто». Однако *нечто* предполагает нечто *другое*, которым оно ограничивается и без которого оно не мыслится. Где есть нечто, там обязательно есть и другое. Именно поэтому *понятие* наличного бытия включает в себя оба этих противоположных определения (*нечто* и *другое*) и есть их единство.

Гегель затем показывает, что **единство** нечто и другого может быть не только **внешним** (в соответствии с которым мы полагаем, что *помимо* нечто, есть также и другое), но и **внутренним**, предполагающим, что нечто *в самом себе* есть другое. Другое – это отрицание нечто, однако не только отрицание, но и его утверждение: только благодаря своей определенности нечто есть то, что оно есть, но определенность есть ограниченность, и

как ограниченность она невозможна без *другого*. Таким образом, нечто *само по себе* есть другое – другое самого себя. В соответствии с этим оно должно быть другим не только в *себе*, но и становиться этим другим. Процесс становления **нечто другим** – это и есть **изменение**. Иногда Гегель говорит об изменении как **переходе** нечто в другое, подчеркивая то обстоятельство, что при *переходе* (в отличие, допустим, от *отношения*) одна из сторон исчезает (в данном случае исчезает нечто, каким оно было до изменения).

Переходу в другое противостоит движение *к себе*, так что логически возможны только две **формы движения**: *от себя к другому* и *от себя к себе*. Первое из них есть *процесс изменения*, сопровождающийся утратой одной из сторон; второе, напротив, представляет собой *процесс сохранения себя в неизменном состоянии*. В «Науке логики» можно обнаружить несколько форм движения *к себе*. Таковым, например, является «полагание себя вне себя», к которому сводится умозрительное (не реальное) становление количества (полагание единицей себя вне себя). Точно так же логически возникают пространство и время (пространство состоит только из пространств, время – только из времен).

Правда, существует еще один вариант, когда движение *к себе* **опосредуется** отрицающим его движением *к другому*. Именно этот опосредующий вариант использован Гегелем в концепции развития. В развитии движение от *в-себе-бытия* к *возвращению-к-себе* есть движение «**к себе**», опосредованное промежуточным этапом *для-себя-бытия*, которое является **изменением** «*в-себе-бытия*», его **переходом-в-другое**. Более того, **изменением** является также и переход «*для-себя-бытия*» в завершающую стадию «*возвращения*». Развитие, таким образом, предстает как процесс, в котором положительное сохранение *себя* является результатом двойного отрицания. Первоначально зародыш (*в-себе-бытие*) подвергается отрицанию возникшим живым организмом (*для-себя-бытием*); с точки зрения логики это именно изменение, **переход-в-другое**: единое переходит во многое, простое – в разнообразное, идеальное – в реальное. Порождение плода (*возвращение-к-себе*) – это тоже **изменение** – изменение «*для-себя-бытия*», в результате которого реальное становится идеальным, многое – единым, сложное – простым. Плод ближайшим образом является **простым отрицанием** растения, но так как растение есть отрицание зародыша, то плод отрицает то, что отрицает зародыш; плод, таким образом, есть **отрицание отрицания** и **восстановление** (утверждение) зародыша.

В процессе **развития** движение *к себе*, сохраняющее то, что было утрачено в процессе изменения, является результатом самого изменения, правда, изменение в таком случае должно быть удвоенным, т.е. должно принять форму *отрицания отрицания*, или (что то же самое) **изменения изменения**. Чисто логически результатом *изменения* изменения, его перехода в *другое* (т.е. в то, что противоположно изменению) будет **неизменное**. Отсюда можно сделать удивительные выводы о природе развития.

Обычно мы говорим об изменчивом и неизменном, вечном и преходящем как о противоположностях и под *неизменным* имеем в виду то, что не подвержено изменению. Гегелевская концепция развития отрицает *вечный покой* того, что остается неизменным, говорит «нет» не подверженному изменению неизменному. *Неизменное* – «да», но только как *результат изменения*. Понятие «развитие» поэтому более конкретно, более богато содержанием, чем понятие «изменение». Изменение – это только изменение, его результатом является *другое*; **развитие** как изменение изменения – это **единство изменения и неизменного**, его результат – *другое*, которое в то же время *не есть другое*, а есть *то же самое*, возвращение к тому, что было.

Интересно также и то, что, чувственно воспринимаемая **реальность** (*для-себя-бытие*) выступает в процессе развития лишь как промежуточный этап, началом и конеч-

ной целью развития служит **идеальное**. Идеальное не доступно чувственному восприятию, оно открывается только мышлению. Развитие поэтому – концепция умозрительная. Однако дело тут не только в различных способах постижения реального и идеального. Развитие само по себе разумно, оно является **разумностью изменения**.

Изменение, взятое само по себе, действует жестко и отрицательно, как бесконечный переход в *другое* оно не оставляет следа от того, что было. Концепция вечного изменения безотраднa и неутешительна: всему, что есть, придет свой конец. Надежды нет. Однако в развитии, которое происходит *не помимо, а посредством* изменений, открывается разумный, положительный смысл этих изменений. Только в развитии открывается то, что потери были не напрасны, что отрицание не только отрицает, но и утверждает, что вечное не по ту сторону изменчивого мира, но создается в самом процессе изменения, что поток изменений не только уносит, что *было* – это не только то, что было, но и то, что *будет*.

Идея. Теперь зададим вопрос: что развивается в процессе развития? Что является тем субъектом, который полноценно присутствует в *каждом* необходимом моменте развития и в отношении которого мы можем твердо утверждать, что развивается именно он? Понятно, что ни один из трех моментов развития (в-себе-бытие, для-себя-бытие и возвращение-к-себе) не может быть субъектом развития, поскольку все они преходящи и отрицательны по отношению друг к другу. Возвращаясь к гегелевскому примеру, можно сказать, что ни зародыш, ни растение, ни плод не являются устойчиво сущим, *непреходящим* субъектом развития. Так что же? Ответ Гегеля – *жизнь*. Развивается именно жизнь и именно тем способом, что последовательно принимает различные формы и проходит через все моменты развития. Только потому, что жизнь развивается, **жизнь есть идея**.

Идея – это истинный **субъект развития**, который по-разному присутствует на разных ступенях развития и в то же время придает процессу развития его **субстанциальное единство**. Заметим, что в *идее* различие всех трех моментов развития снято. Так, зародыш, растение и плод едины в том, что все они различные проявления *одного и того же*, а именно – жизни. Идея поэтому есть выражение **единства** процесса развития. Развитие, схваченное в его единстве, есть идея. То, что для выражения этого единства Гегель использует понятие, имеющее идеальное, умопостигаемое содержание, объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, идеальное является началом и конечной целью развития, т.е. тем, ради чего развитие есть. Во-вторых, любое субстанциальное единство – идеально, реальны только его акцидентальные проявления.

В философской системе Гегеля идея может быть понята только как *развивающаяся* идея. Верно и обратное: все то, что развивается, есть *идея*. Потребовалось более двух тысячелетий для того, чтобы **вечные и неизменные идеи** Платона превратились в **идеи развивающиеся**. Про идеи Платона (идея блага, идея прекрасного) можно сказать: *они есть то, что они есть*. Идея в учении Гегеля еще *должна стать* тем, что она есть. Обращая внимание на этот момент, Гегель пишет: «Существенная... черта природы идеи состоит в том, что она **развивается** ... что она **становится** тем, что она есть»⁴.

К чему обязывает гегелевское понимание идеи развития? Прежде всего, к преодолению эмпиризма в нашем мышлении, того самого эмпиризма, который до сих пор остается господствующей формой мышления людей. В соответствии с этой формой мы совершаем поступки, исходя из реальных обстоятельств нашей жизни. То, что происходило в недавнем прошлом, и то, что происходит сейчас, – является единственной сферой, с которой мы сообразуемся, принимая практические решения. Тем самым мы приписыва-

ем реальности исключительную самостоятельность, а истину реальности считаем истиной в последней инстанции. Но, согласно Гегелю, истинна только *идея*: «Если что-либо имеет истину, оно ее имеет через свою идею, иначе говоря, *нечто имеет истину, лишь поскольку оно идея*»⁵.

Реальность, разумеется, обладает своей собственной истинностью, с которой должны считаться и теоретический, и практический разум. Но самая сокровенная, самая истинная истина реальности открывается лишь *в свете ее идеи*. Взятая в своей идее, реальность не обладает абсолютной самостоятельностью, она не есть ни нечто первое, ни нечто окончательное, а занимает в *развитии идеи* лишь срединное положение «для-себя-бытия». Как *для-себя-бытие идеи* реальность обладает существованием в форме множественности и разности. Поэтому реальные вещи, как и реальные мысли, всегда обнаруживают себя как многие и разные, но идея обязывает постигнуть их в их *единстве*, обязывает вернуть реальность ее истокам, с которых она начинается и к которым она вечно возвращается.

Реальность, взятая сама по себе, и реальность, постигнутая в ее идее, приводят не только к различным, но и противоположным истинам. Поэтому если мы в практической жизни руководствуемся только реальностью, то нужно помнить, что в контексте *идеи* наши действия могут обрести совершенно иной смысл и результат, чем тот, на который мы рассчитывали. То же самое может произойти и в сфере теоретического познания: истины реальности могут измениться до неузнаваемости в свете преобразующих их идей.

Философская идея. Самым убедительным доказательством *различия* между эмпирически фиксируемой реальностью и реальностью, раскрытой в ее идее, является сама история философии. С точки зрения ее исторического существования философия представляет собой ряд последовательно во времени возникавших учений, в каждом из которых высказывалась истина, которая опровергалась последующими учениями. Во всем ряду поэтому невозможно найти истины, с которой согласились бы все философы. Такова историческая **реальность** философии, которая свидетельствует о том, что в сфере философского знания истины нет (когда истин много – истины нет ни одной) и что сама философия является не объективной наукой, а лишь собранием субъективных мнений.

Иная картина открывается, если на философию посмотреть с точки зрения ее исторического **развития**, т.е. в контексте ее *идеи* (*философской идеи*). Тогда каждая значительная эпоха в истории философии обнаружит в себе три необходимых момента процесса развития: *в-себе-бытие*, *для-себя-бытие* и *возвращение-к-себе*. Собственно говоря, наличие этих моментов и делает тот или иной исторический промежуток *эпохой* в истории философии. То конкретное разнообразие философских учений, которое содержится в каждой эпохе, – лишь ступень *для-себя-бытия*, которая в контексте *развития* не обладает самостоятельным значением, но для которой обязательны множественность и разнообразие. Поэтому философия как *реальное для-себя-бытие* существует только в форме отличных друг от друга учений. Однако *для-себя-бытие* – лишь разнообразное раскрытие того, что в единстве содержится *в-себе-бытии*. Таковым для каждой исторической эпохи выступает та или иная философская **категория**, которая, будучи *конкретным понятием*, заключающим в себе *противоположные* определения мысли, не может быть выражена в одном учении, а нуждается для этого во многих противоположных друг другу учениях. Каждая философская система выражает лишь одну сторону, одно определение этой категории, и лишь все вместе они раскрывают данную категорию в ее полноте.

Ввиду того, что категория, дающая начало философской эпохе, сама по себе *идеальна* и есть лишь *в-себе-бытие* (лишь возможность), она не может быть идентифицирована ни с одним *реально* существующим философским учением. Определить ее может только опытный историк философии, способный *подняться* над эмпирической реальностью философской мысли. Чем глубже проникает историк философии в суть учений и чем обширнее его знание, тем больше открывается для него то *идеальное понятие*, различным выражением которого являются данные учения. Для него становится понятным, что каждая философская эпоха включает в себе три периода. Первый и самый длительный – формирование **философской оппозиции**. В течение этого периода каждое философское учение идентифицирует себя с собой, лишь отличая себя от противоположной позиции в философии. Принцип «мы не такие, как они» является господствующим в данный период. Затем на смену устойчивому противостоянию двух философских лагерей приходит второй период – «**узнавание себя в другом**», когда то там, то тут обнаруживается, что собственный принцип философствования приводит к истине, носителем которой до сих пор выступала лишь противоположная сторона. Постепенно становится ясным, что между противоположными истинами философской оппозиции нет жесткой границы, что они достаточно легко перетекают друг в друга. Наконец, наступает третий период, когда появляется учение, в котором достигается **полное тождество** прежде исключавших друг друга истин. Это означает, что в истории философии появилась **новая категория**, новый принцип философского мышления.

Выступая единством противоположных истин, новая категория знаменует собой **возвращение к исходному понятию прежней эпохи** и одновременно с этим **восхождение к исходному понятию новой эпохи**. Новая категория оказывается не чем иным, как только **раскрытой истиной** прежней категории. Таким образом, несмотря на происходящие с ней изменения, философская мысль не утрачивает своего единства и не прерывается в своем развитии. Она остается одной единой философской истиной, что позволяет сделать выводы, прямо противоположные тем, к которым неизбежно приводила эмпирическая история философии. Следует признать, что *множественность* истин не только не препятствует, но, напротив, абсолютно необходима для существования *единой* истины и что философия, осуществляясь как высказывание *субъективных* мнений, созидает себя как *объективную науку*.

---

¹ Гегель. Лекции по истории философии. Книга первая. СПб., 1994. С. 85–87.

² Там же. С. 86.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Гегель. Наука логики. СПб., 1997. С. 691.

Статья поступила в редакцию 26 января 2005 г.